

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Немецкие кальки в русском литературном языке XIX века

основная образовательная программа бакалавриата по направлению подготовки
45.03.01 «Филология»

Исполнитель:
Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

очной формы обучения
Сидорова Надежда Борисовна

Научный руководитель:
к.ф.н., ст. преп. Рыко А. И.

Рецензент:
к.ф.н. Васильева О. В.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Содержание	2
Введение	3
1. Понятие калькирования	6
1.1. Точки зрения исследователей на понятие; виды калькирования	6
1.2. История русского литературного языка с точки зрения заимствований и использования калькирования	12
2. Понятие о норме русского литературного языка в XIX веке.	20
3. Анализ словообразовательных калек в тексте Р.А. Штекгардта «Юридическая пропедевтика»	26
Заключение	46
Библиография	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение	53

Введение

Способ заимствования иностранных слов и конструкций, именуемый калькированием привлекал внимание многих исследователей русского литературного языка. Под термином "калька", введенным в научный обиход Ш. Балли (Балли, 1961: 69) традиционно понимается буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова. Виноградов называет кальку "точной съёмкой морфемы за морфемой" (Виноградов, 1977: 162). При исследовании ранней восточнославянской письменности ученые обращают внимание прежде всего на словообразовательные кальки с греческого языка (Соболевский А.И., И. Линдеман, Фасмер М.Р., Мещерский Н.А., Сперанский М.Н., Истрин В.М.), которые возникали при переводе греческих богослужебных книг на древнеславянский язык.

Известно, что большая волна заимствований в русском языке пришлась на период начала 18 века в связи с демократизацией и секуляризацией языка и письменности, что связывается, в первую очередь, с деятельностью и реформами Петра Первого. Литературный язык 19 века не так богат кальками по сравнению с предыдущим периодом (Сорокин, 1965: 167), однако сфера науки в этот период требует обращения к западноевропейским текстам, и, следовательно, контактов с иностранными языками, прежде всего, французским и немецким (Арапова, 2000: 12).

В настоящем исследовании предполагается обратиться к лексическим (словообразовательным) калькам с немецкого языка в XIX веке. Можно предположить, что свободное владение несколькими языками и постоянное обращение к западноевропейской мысли за новыми идеями, могло породить смешение структур нескольких языков. Такие результаты межъязыковой интерференции описывались наиболее подробно исследователями на материале текстов 20 века (например, работа А.В. Зеленина "Язык русской эмигрантской

прессы (1919-1939)" и современной речи, например, особенности конструкций русской диаспоры. Однако подробного изучения немецких калек на материале текстов 19 века не так много, многие сферы научного языка не описаны вообще. Это определяет **актуальность** предстоящего исследования.

Целью предстоящего исследования станет выявление закономерностей словообразовательного калькирования немецких форм в переводном письменном тексте XIX века: Штекгардт Ю.А. Юридическая пропедевтика.

Источниками работы стали: введение и три главы оригинального текста Stöckhardt R. Juristische Propädeutik (Leipzig, 1843) и перевод данного отрывка текста, выполненный в 1843 году Ф. Толем: Штекгардт Р.А. Юридическая пропедевтика (СПб, 1843). Для анализа был выбран именно этот текст, поскольку период XIX века знаменателен активным освоением немецкой мысли, множество текстов переводилось с немецкого языка; в сфере философии, в частности философии права, исследователями отмечалось калькирование немецких форм (Сорокин, 1965: 169); текст Штекгардта стал первым произведением по теории права, возникшим на российской почве, и на этот текст ссылаются как на один из наиболее авторитетных в энциклопедиях права (в частности, К.А. Неволин); в переводе мы можем предполагать большее количество калек, чем в тексте, изначально написанном на русском языке. Анализ текста оригинального (например, сочинение Неволина «Энциклопедия законоведения») может стать уже следующим этапом исследования, отмеченные нами наблюдения на материале текста «Юридическая пропедевтика» должны быть проверены на оригинальном тексте. Таким образом можно проследить развитие научного языка исследуемого периода с точки зрения связи русского научного языка с немецким научным языком, в частности, связи двух языков теории права.

Объектом исследования станут лексические (словообразовательные) кальки в тексте XIX века.

Для реализации цели исследования необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) Изучить теоретическую литературу о русском литературном языке как периода 19 века, так и более раннего и позднего периода, а также литературу о речевых неточностях и ошибках, отмеченных в 19 веке.

2) Изучить теоретическую литературу, связанную с такими понятиями, как: лексическое, фразеологическое, грамматическое калькирование.

3) проанализировать известные классификации явлений калькирования и структурировать наиболее подходящую в качестве базы для данного исследования

4) проанализировать и описать функционирование в тексте словообразовательных немецких калек, освоенных русским литературным языком рассматриваемого периода

5) проанализировать и описать функционирование в тексте «авторских» калек или попыток их введения

6) опираясь на данные словарей, проанализировать многоморфемные русские слова, совпадающие поморфемно с немецкими, чтобы определить их происхождение и предположить, могут ли они являться кальками.

7) Попытаться выполнить первичный этимологический анализ совпадающих по структуре русских и немецких слов, с целью установления их принадлежности к заимствованным либо исконно русским лексемам

8) проанализировать многоморфемные слова с двумя и более корнями в немецком тексте и их перевод на русский язык.

9) Сделать выводы о закономерностях словообразовательного калькирования немецких форм в переводном письменном тексте XIX века.

1. Понятие калькирования

Словарный состав языка на любом этапе его развития непосредственно связан с жизнью народа, с деятельностью человека в обществе, с контактами народов между собой. Наиболее ярким процессом в развитии языка можно назвать процесс обогащения лексики за счет появления новых слов. Н.М. Шанский пишет, что процесс пополнения словарного состава языка «осуществляется двумя путями – путем заимствования и путем различных способов словообразования» (Шанский, 2005: 252). Поэтому интересным полем для исследования нам представляется явление заимствования и, особой его разновидности, калькирования.

1.1. Точки зрения исследователей на понятие; виды калькирования

Термин "калька" был введен в научный обиход Ш. Балли (Балли, 1961:69). Виноградов называет кальку "точной съёмкой морфемы за морфемой" (Виноградов, 1977: 162). Традиционно под калькой понимается буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова, также принято рассматривать явление калькирования в тесной связи с явлением прямого (фонетического) заимствования. Например, в классификации Э. Хаугена мы видим три вида заимствований, среди которых есть и кальки (Хауген, 1950:32):

1) слова без морфологической субституции (loan-words), т.е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике;

2) слова с частичной морфологической субституцией (loan-blends), или гибриды, т.е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов. – Такой вид заимствований, например, Н.С. Арапова называет неточными кальками.

3) слова с полной морфологической субституцией, т.е. кальки (loan-shifts), или семантические заимствования (semantic loans).

Но взгляды ученых на явление калькирования отличаются с точки зрения классификации, узкого/широкого подхода; также разногласия вызывает вопрос, является ли калькирование заимствованием. Очевидно, что точно так же, как и фонетические заимствования, кальки возникают при условии взаимодействия нескольких языков и культур, способствуют сближению структур контактирующих языков. Именно поэтому изучение заимствований имеет большое значение не только для истории языка, но и для истории культурно-исторических связей между народами (Филин Ф.П., 1979: 12).

Е.А. Земская пишет: «кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» (Земская, 2004: 421), то есть, исследователь считает кальку «скрытым» заимствованием. Однако Земская занималась исследованием явления калькирования в основном на примере речи эмигрантов, речи русской диаспоры: «Калькирование принадлежит к числу явлений, оказывающих влияние на речь эмигрантов всех волн и на разные подсистемы языка: лексическую семантику, синтаксис, морфологию» (Земская, 2004: 421).

Н.А. Арапова тоже рассматривает явления заимствования и калькирования в непосредственной связи друг с другом. Но, например, Н.М. Шанский противопоставляет явления калькирования и заимствования (Шанский, 1959: 58). Мы будем придерживаться такой точки зрения, при которой заимствования и кальки рассматриваются в тесной связи друг с другом, потому что, хоть перед нами и возникает оригинальное словотворчество в языке-реципиенте и кальки образуются по законам словообразования принимающего языка, но влияние языка-прототипа остается все же бесспорным.

Обратимся к классификации. Н.С. Арапова в своем исследовании "Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000" подробно обращается к явлениям словообразовательного и семантического калькирования, они исследованы наиболее подробно мы рассмотрим сначала их. Исследователь

пишет, что калька - это не прямое заимствование, а заимствование словообразовательной или семантической структуры иноязычного слова, то есть в слове-кальке сливается процесс заимствования и оригинальное словотворчество. Для такого процесса необходим языковой контакт, важно, что калька, в отличие от заимствования, может быть создана исключительно тем, кто хорошо знает иностранный язык, из которого берется слово, потому что при таком словотворчестве нужно хорошо понимать внутреннюю структуру слова, морфологию чужого и родного языка. И если заимствование происходит, как бы игнорируя внутреннюю форму слова, при калькировании внимание уделяется, как пишет исследователь, именно ей. Но заимствование и калька находятся в тесном взаимодействии. Заимствование может вытеснить кальку, или же калька может стать более жизнеспособной. Также возможен случай закрепления двух новообразований в языке, тогда они существуют как синонимы.

Интересен процесс вхождения калек в русский язык. Если слово-калька давно вошло в русский язык, оно воспринимается как исконно-русское слово (например, глагол "выглядеть", который является калькой с немецкого), потому что носитель языка чувствует внутреннюю мотивированность и четкость образа, который лежит в основе структуры слова. Но далеко не всегда калька остается и укореняется в языке (например, *крученное* вместо *рулет* сейчас не используется), попытки же навязать кальку вместо заимствования чаще терпят неудачу, Арапова приводит примеры слов, которые предлагал А.П. Купчинский (в связи с развитием авиационной лексики): *пропеллер* он предлагал заменить *толкателем*, *стабилизатор* - *равновесником* и др. Но есть и вошедшие в русский язык слова: мотор - двигатель, аллюмаж - зажигание и др. Получается, что создание кальки - это сознательное творчество, но закрепление ее в языке - это уже стихийный процесс. Анализируя примеры, которые приводит исследователь, мы можем заметить, что чаще всего кальки встречаются в языке науки, реже - в технике и бытовой лексике.

Арапова разделяет семантические и словообразовательные кальки. При семантическом калькировании заимствуется только переносное значение слова, например, провалиться в значении *потерпеть неудачу* - нем. *durchfallen*. Словообразовательные разделяются в свою очередь на точные и неточные. Также выделяются полукальки (в которых один из морфов остается непереуведенным: *Gasleitung* - *газонпровод* (нем.)). Неточные кальки: в таком случае одна из морфем переуведена неверно (*Blitzableiter* - *громоотвод*), однако образ считается довольно точно, потому что неверно переданная морфема синонимична с подходящей. Интересны также слова, образующиеся по модели уже существующей кальки. Например, элементы, которые образовались в языке в результате словообразовательных калек (-ведение, -видный, -образный и др.) стали моделью для собственно русских образований.

Подход Араповой можно назвать широким. Рассмотрим подход Ю.С. Сорокина. Он предлагает более узкий подход к термину "калька". Семантические кальки исследователь считает более целесообразным называть семантической индукцией, потому что в таком случае перед нами "семантическое видоизменение под воздействием иноязычного источника уже существующих в языке слов" (Сорокин, 1965: 166). Исследователь считает, что такое разграничение терминов необходимо, потому что перед нами различная степень воздействия чужого языка и различная степень усваивания изменений родным языком. В случае семантической индукции происходит лишь модификация основного значения слова под влиянием иностранного. Например, переносное значение слова *утка* в словосочетании *газетная утка*. Важны замечания автора о том, что "русские слова по-разному приспособлялись писателями и переводчиками к функции наименования новых вещей и понятий" (Сорокин, 1965: 160), таких способов автор выделяет три, которые известны русскому языку во все периоды его развития. Кроме словообразовательного калькирования, в котором русское слово представляет собой как бы "копию" иностранного, выделяются: "семантическое

приноравливание" (слову, уже имеющемуся в русском языке, прибавляется оттенок значения, по семантическому сходству оно как бы замещает лауну в языке: например, *charlatan* -- обманщик); передача иноязычного слова словосочетанием (в этом случае, получается, иностранное слово как бы объясняется средствами русского языка).

Ю.С. Сорокин также обращает свое внимание на грамматические кальки. Он пишет о фразовых сочетаниях слов, которые калькируются с французского (особенно, с глаголами *делать, производить, иметь: делать вид, сделать впечатление, делать успехи*). Подробнее о грамматических кальках с французского языка пишет В.В. Виноградов. Исследователь пишет, что, например, пристрастие писателя к конструкциям с предлогами *в* и *с* объясняются влиянием французского языка (Виноградов, 1972: 445). Интересны также примеры калькирования французских форм, которые приводит Виноградов: «...находит основания предполагаемого договора *до такой степени вне возможности...*»; «брак *совершается* на небесах»; «...я ожидал не менее того, как найти Вас...».

А.В. Зеленин, исследуя язык русской эмигрантской прессы, обращает внимание на еще одну разновидность калек: синтаксические. Л.П. Крысин называет такие кальки «синтаксическими или структурно-синтаксическими заимствованиями» (Крысин, 1968: 19). При таком процессе заимствуется не одно слово, а грамматическая конструкция из языка-источника (например: *смотреть вперед на (+ Асс.)* с англ. *to look forward to* во фразе *Смотреть вперед на нашу встречу*). Синтаксические кальки образуются из-за того, что в сознании билингвов, как и в сознании людей, на высоком уровне владеющих более чем одним языком, грамматические системы этих языков могут несколько размываться и смешиваться. Частое обращение к иноязычным текстам порождает, по словам Зеленина, проникновение на страницы русскоязычных текстов чуждых русскому языку грамматических моделей. Именно такой вид калек, по словам Земской, чаще всего встречается в речи эмигрантов, в отличие от

словообразовательных. Она пишет: «Словообразовательные кальки в моих материалах не зарегистрированы. Можно предположить, что для русского языка второй половины XX века словообразовательные кальки нехарактерны. Их расцвет приходится на язык XVIII – начала XIX века» (Земская, 2004: 422). Исследователь отмечает примеры наиболее частотных калек: с полузнаменательными глаголами иметь, брать, делать и др. (иметь страх, взять автобус, делать благодарность) и кальки семантические: в этом случае используется уже существующее в русском языке слова, но носитель расширяет значение (например, проживающий в США студент может использовать слово *класс* в значении *занятие, урок*). (Земская, 2004: 423).

Наиболее точной, полной и универсальной нам представляется классификация калек польского лингвиста Й. Обара, поэтому мы будем опираться на нее. Й. Обара строит свою классификацию на основе положений ряда лингвистов и подразделяет кальки на лексические, фразеологические и грамматические. Лексические подразделяются в свою очередь на структурные (или словообразовательные, морфемные) и семантические, а грамматические - на морфологические и синтаксические (Obara, 1989: 60-62).

Для того чтобы описать случаи калькирования, а прежде всего обнаружить их в тексте, представляется необходимым описать русский литературный язык 19 века, его норму, и, в случае предполагаемого калькирования суметь установить иностранный образец на основе соответствующей литературы. Кроме того, само установление факта калькирования требует кроме филологических методов анализа также привлечения экстралингвистических факторов, так как языковое заимствование имеет также связи с контактами в области социально-политической жизни. (Крысин, 1968: 9). Важна также история культуры: окружение, в котором возникло понятие и к нему название, или принадлежность его к определенному духовному направлению, на которое влияла иноязычная культура (Фориан: 5).

1.2. История русского литературного языка с точки зрения заимствований и использования калькирования

Исследователь Е.Т. Черкасова пишет, что с XVII века начинает складываться язык русской нации (Черкасова, 1981: 12). В период с XVII по XIX век (Новое время), безусловно, происходят в русском языке значительные изменения. Пополнение состава русского литературного языка в этот период связан с взаимодействием так называемых генетико-стилистических пластов: 1) собственно русская литературная лексика 2) славянизмы 3) иноязычные заимствования 4) заимствования из внутриязыковых источников. Основными источниками для развития отвлеченной и терминологической лексики, по словам исследователя, были слова славяно-русского и иноязычного происхождения. С 18 века в литературный язык все активнее проникает собственно русская лексика, просторечие, диалектизмы. Однако с заимствованиями и кальками дело обстоит иначе. Калькирование знакомо русскому языку с древних времен, но процесс заимствования всегда был неоднороден, потому что менялся интерес к тому или иному языку: степень влияния конкретного языка возрастает прямо пропорционально количеству контактов с ним.

В послепетровский период определился круг языков, из которых выбиралась лексика для прямого заимствования и калькирования, это были: немецкий, голландский, английский, французский и др. Арапова пишет, что в петровское время существенно возрастает количество калек, прежде всего, в области научной терминологии, но не все они сохранились, как и не все прямые заимствования. В этот период увеличивается в первую очередь количество словообразовательных калек (Сорокин), и основной источник для них - немецкий язык. В 19 веке начинается технический прогресс, поэтому перед нами возникает больше технических терминов. Калькирование, по словам Н.С. Араповой, несколько затухает, но продолжает происходить, и калькуются слова вышеупомянутых французского, немецкого и английского языков. Сорокин пишет, что в 19 веке, в

отличие от 18, число прямых заимствований сильно превышает количество калек, в 18 веке было наоборот (возможно, на это повлияла деятельность Шишкова и других пуристов). Но если сравнить соотношение заимствований и калек с немецкого языка и соотношение калек и заимствований с французского языка, калькирование немецких слов происходило чаще, чем французских, вторые чаще всего прямо заимствовались, потому что явление деривации и словосложения во французском языке развиты слабее. В 30-90 годы 19 века с немецкого языка, чаще всего калькируется общекнижная лексика, слова, выражающие отвлеченные понятия (например: *взаимодействие* - *Wechselwirkung*, *взаимоотношение* - *Wechselbeziehung*, *жизнедеятельный* - *lebenstaetig*, *жизнерадостный* - *lebensfroh* и др.) (Сорокин, 1965: 170); Сорокин также упоминает терминологическую лексику (правовые, финансово-экономические термины и др.).

Известное "двуязычие" (книжно-славянская и деловая норма) XVII века в XVIII веке осложняется большим потоком заимствований, которые стали следствием развития связей с Западной Европой и просвещения. Двуязычие в русскоязычной среде, таким образом, на этом этапе может пониматься двояко: сосуществование книжно-славянской и деловой нормы русского литературного языка и двуязычие как владение двумя языками. С 18 века делается много переводов, причем, по интенсивности перевода в эту эпоху на втором месте стоит (оказывается) немецкий язык, и лишь на третьем - французский, а в 30-е годы немецкий язык и вовсе выходит на первое место, сместив латынь. Многие немецкие заимствования происходили через польское посредничество, как, например, в случае с польскими кальками с немецких слов: *духовенство*, *мещанин*, *обыватель*. К 60-м годам влияние немецкого языка немного ослабевает, уступая место французскому. Ситуация некоего языкового "хаоса" сменяется теорией трех стилей Ломоносова. Эпоха начала 18 века отличается, прежде всего, развитием науки. С 30-х годов 18 века начинает складываться общенациональный русский литературный язык, отмечается тенденция к максимальному обогащению

словарного состава русского языка. Затем наступает пушкинская эпоха, и она разрывает (связь) с этой жестко регламентированной теорией. В 20-30 годы 19 века народная речь становится базой для творчества. Кроме того, Россия в это время превращается в развитое европейское государство, наследуя опыт других стран: все больше открывается университетов, идет "европеизация" страны. В русском языке обнаруживается недостаток терминологии, как пишет Сорокин, особенно "в кругу общественно-политической лексики и тех слов, которые касались выражения различных понятий социальной и психической жизни" (Сорокин, 1965: 176). Особенно важно, что к XIX веку меняются и усложняются формы иноязычного влияния. Система русского языка сближается со строем западноевропейских языков (заимствования и калькирование сближают языки друг с другом, калькирование особенно способствует сближению грамматического строя языков) (Сорокин, 1965: 180). Однако русский язык становится избирательным в отношении языков, с которыми он теснее взаимодействует: В.В. Колесов пишет, что, например, финская речь в Санкт-Петербурге не оказала никакого влияния на речь жителей города, а скорее наоборот, русская речь скорее дистанцировалась от этого влияния. Исследователь пишет, что из таких наблюдений можно сделать важный вывод: недостаточно многовековое «сожительство» и тесный контакт носителей разных языков, нужно что-то особое, что привлекало бы заимствования (Колесов, 2005: 69).

Количество прямых заимствований в XIX веке уменьшается, но углубляется процесс создания неких "аналогов" иностранных слов, вместе с этим усиливаются пуристические течения, начинаются поиски замен для уже заимствованных терминов. Президент Российской Академии Е.Р. Дашкова выступала за то, чтобы иноязычные слова при переводе заменялись "российскими старинными или по правилам произведения слов сделанными" (Сухомлинов, 1874: 224). Можно предположить, что именно поэтому в этот период активизируется процесс калькирования в языке. Калькирование могло активизировать

словообразовательный потенциал русского языка, поскольку оно представляет собой не прямой перенос слова, а переводческое творчество: часто иностранная, в частности немецкая, морфема может быть передана несколькими способами.

Однако такой поход к развитию русского языка Ю.С. Сорокин рассматривает несколько критически, называя его неисторичным (Сорокин, 1965: 173). Представители пуризма, по его словам, видят историю языка как "наличную данность языка", признавая то, что в языке сложилось к определенному моменту, они не признают законность того, что продолжает складываться в языке. Сорокин также упоминает внешне противостоящую точку зрения, которая признает неизбежность заимствований, однако оба подхода отвергают важнейшую двусторонность процесса заимствований: это не только "передача готовых элементов", но и процесс "органического усвоения системой данного языка". Заимствования, как пишет исследователь, это - определенная закономерность развития языка, которая находится в тесном отношении с другими закономерностями, а не только восполнение лакун.

Послепушкинский период, а именно, 40-70 годы XIX века, как их обозначает Черкасова, представляют для нас наибольший интерес. Именно в эту эпоху строй литературного языка изменяется под воздействием политических, общественных изменений в стране, развитием науки и техники. На этом этапе, по словам Е.В. Черкасовой, стилистический строй русского литературного языка становится наиболее пёстрым и многогранным, в одном контексте может совмещаться уже очень многое, на первый план выдвигается научно-публицистическая речь. Одна из "центральных проблем этой эпохи", пишет Е.В. Черкасова, проблема создания национальной системы отвлеченной, философской, научной и публицистической лексики. Почему? В обществе передовой русской интеллигенции возникает интерес к развитию научных, социальных и философских идей, это вызывает тенденцию к еще более тесному сближению с западноевропейскими языками, а вслед за этим увеличивается количество

заимствований, взаимодействие с русской лексикой становится более разнообразным. В.В. Виноградов пишет, что для этой эпохи характерно расширение границ литературного языка. В него входит много слов из профессионального жаргона, из чиновничьих диалектов, элементы городского просторечия (Виноградов, 1982: 361), перестраивается лексическая, фразеологическая и семантическая структура языка, ищутся новые идеологические скрепы. В 40-70 годы с еще большей остротой встает проблема «метафизического», т.е. отвлеченного публицистического и научно-популярного языка, возникает вопрос о философской терминологии, приспособленной к выражению немецкой идеалистической философии Шеллинга. Но еще большее влияние, пишет исследователь, на литературную речь оказала умственная работа, которая была порождена философией Гегеля в кругах русской интеллигенции 30-50 гг. Значительную роль в распространении отвлеченно-философских терминов и понятий среди русского общества сыграл В.Г. Белинский. Больше всего здесь было, конечно, прямых заимствований (Виноградов, 1982: 366), но в литературном обиходе закрепляются и кальки с немецкого языка для выражения отвлеченных и общественно-философских понятий: *образование – Bildung; мировоззрение – Weltanschauung; целостность – Ganzheit; односторонний – einseitig; состоять – bestehen; предполагать – voraussetzen; призвание – Beruf; исключительный – ausschliesslich; целесообразный – zweckmässig; последовательность – Folgerichtigkeit*. Также возникают многочисленные составные слова, первой частью которых является *само-*: *саморазвитие – Selbstwicklung, самоопределение – Selbstbestimmung*. С философской терминологией, идущей из Германии или созданной по немецкому образцу, сочетаются слова и выражения, относящиеся к общественно-политическим и социально-экономическим дисциплинам. Странами, откуда черпались эти термины, были та же Германия и Франция. Создается своеобразный «интеллигентский», общественно-политический словарь. Все острее привлекают общество «гражданские темы», обсуждению подвергаются вопросы

не только бытия, но и «вопросы действительности» (Виноградов, 1982: 367). В это время возделывается почва для оригинального национально-русского стиля деловой, публицистической и научной прозы. Русский язык становится способным к самостоятельному выражению сложных научных, технических и философских понятий – без посредства иноязычных заимствований. Но в 30-50 гг, которые мы рассматриваем, «период брожения и смешения разных социально-языковых стилей» (Виноградов, 1982: 371), исследователями отмечаются также колебания, неоформленность в грамматической системе языка этого времени. Что касается лексического строя, В.В. Колесов отмечает такое же колебание и расслоение, в частности, в языке столицы, Санкт-Петербурга: «Столица только откровенно, и притом наглядно, показывала, до какой степени люди, составлявшие население империи говорили на разных языках» (Колесов, 2006: 7). Исследователь приводит цитату из воспоминаний юриста А.Ф. Кони, в которой иллюстрируется непонимание людей друг друга в суде. Судьям неизвестны были местные значения слов *турнуть*, *околеть (озябнуть)*, *отмениться (отличиться)*, *постовать (говеть)* и др. Колесов отмечает активное смешение стилей, наречий, языков в Петербурге того времени, ко всему этому добавляется еще и взаимодействие нескольких языков. Немецкий и французский языки, которые сосуществовали с русским, по словам автора, «способствовали сближению столичного населения с европейской образованностью» (Колесов, 2006: 9).

Середина XIX века отмечается также появлением в нем употреблений иностранных слов и оборотов, множеством выражений, искусственно привитых русскому языку, например: *рассчитывать на кого или на что; делать кого-то несчастным; иметь жестокость; предшествовать кому; предпослать что чему; пройти молчанием; разделять чьи-либо мысли или чувства; прежде нежели сказать; слишком умен, чтобы не понять; иметь что возразить; иметь что-нибудь против*. В 60-70 гг присоединяются еще *считаться с чем; человек такого закала; раз он взялся – непременно сделает; немыслимый* и др. (Грот, 1899: 13)

В.В. Виноградов также отмечает сферы, в которых в первую очередь возникали языковые изменения или новшества: естественные, социально-экономические науки, общественный быт, промышленность, политические, экономические и юридические устои гражданственности, характеристические определения личности и нормы светского поведения (Виноградов, 1982: 433).

В этот период нередкими стали негодующие отклики о «загрязнении» русского языка иностранными заимствованиями. Например, брошюра «Отчего, зачем и почему? Оскудение и искажение русской речи. СПб, 1889». Ее автор называет то, что происходит с современной ему речью «жадным хватаньем выражений из чужих языков»; «конвульсивные порывы» к чему-то новому и не своему (А.Б., 1889: 4). Он приводит список из 150 слов и конструкций, среди которых огромное число заимствований с французского, например: инцидент, версия, интервьюировать.

Во второй половине 19 века не ослабевала тенденция к более тесному сближению русской литературной речи с западноевропейскими языками, к заимствованию оттуда «аналитических приемов выражения», к освоению таких понятий, которые не нашли в русском языке точного воплощения.

Частое обращение к иноязычным текстам порождает, по словам Зеленина, проникновение на страницы русскоязычных текстов чуждых русскому языку грамматических моделей. Когда мы обращаем свое внимание на явление билингвизма, межъязыковой интерференции (далее – МИ), мы непременно сталкиваемся с явлениями лексического и грамматического калькирования. Однако, прежде всего, стоит оговорить несколько важных моментов. Явление МИ представляет большой интерес при исследовании пополнения словарного состава, а также при исследовании некоторых фонологических и морфологических изменений в языке (Хауген, 1972: 70). МИ довольно подробно исследуется на материале языка русской диаспоры и на материале речи билингвов, представляет собой особое поле для исследования, которое будет нами затронуто не так

подробно. Обратим также внимание на то, что чаще всего учеными исследуется именно устная, а не письменная речь носителей двух и более языков. А в этом случае перед нами совершенно другая сфера бытования языка: грамматические ошибки и неточности, допускаемые в устной речи из-за сосуществования в сознании нескольких языков, намного реже могут встретиться в письменном тексте, тем более у исследователя, на высоком уровне владеющего нормой русского литературного языка.

В данной работе исследуется письменный текст русского правоведа А.К. Неволина. Он провел несколько лет в Берлинском университете, где изучал историю права; изучал несколько языков, но, безусловно, его письменная речь не будет рассматриваться нами как речь билингва или носителя нескольких языков и представителя нескольких культур. Интерес для нас представляет другое: как, каким образом и насколько сильно развитие науки, внедрение западной философской мысли в русскую среду (в данном случае, философии права) повлияло на сближение структуры немецкого и русского языка. Чтобы ответить на поставленные вопросы, нужно проанализировать множество текстов, но, учитывая объем предполагаемой работы, мы останавливаемся на одном.

2. Понятие о норме русского литературного языка в XIX веке.

Исследуя тексты XIX века, мы не встретим резких отличий их языка от современного. Грамматическая система первой половины 19 века не сильно отличается от современной, потому что она является основой языка, и изменяется медленно: к XIX веку уже, например, складывается современная (может написать *используемая поныне*, просто часто повторяется слово *современная*) система времен (Булаховский, 1957: 41). Больше отличий мы можем встретить, скорее, в лексической системе языка: много устаревших слов или же устаревших значений. Процессы, затрагивающие семантическую систему языка, происходят, несомненно, быстрее, однако их скорость вряд ли можно сравнить с современным нам временем (XXI век). Булаховский отмечает, что XIX век отличается стремительными изменениями в преобразовании литературного языка. После сочинения М.В. Ломоносова «Российская грамматика» (1757 г.) до начала второй четверти 19 века нормализаторов грамматической системы русского литературного языка не было, тем не менее происходило много важных процессов, например, сильно повлияли на развитие литературного слога журналы Н.И. Новикова и язык Н.М. Карамзина. Еще раз отметим, что на развитие литературного языка, в том числе и грамматики, влияло и развитие науки: русский язык сближается с европейскими посредством многочисленных заимствований и калек. Однако, как пишет Булаховский, порядок слов в русском языке в исследуемый период напротив раскрепощается, становится привычным для нас – свободным, тогда как до XIX века еще был зависим от влияний иноязычных образцов (Булаховский, 1957: 421).

Новыми грамматистами-фиксаторами стали во второй четверти XIX века Н.И. Греч и А.Х. Востоков, однако, как пишет Булаховский, они фиксируют уже несколько устаревшую систему.

Отметим несколько интересных и важных отличий письменного литературного языка XIX века от современного, о которых пишет исследователь. В разделе морфологии Булаховский пишет, например, о более активном образовании слов с суффиксами *-ник, -тель* (*торжественник, бездушник, смутник, подслушник, веселитель, колыбель, ловитель*). Интересно также образование отглагольных префиксальных существительных на *-ние, -тие*, нетипичных для современного этапа развития языка: *защитение (невинности), подание (бумаги), обработка (огорода), уколотие (руки)*. Также встречаются образования на *-ство*, позже вышедшие из употребления: *аристократство, бедство, весельство*. Интересно образование форм множественного числа имен существительных мужского рода на *-а, -я*: возможным нормативным образованием могли стать такие формы, как: *дом – дома, снег – снеги, череп – черепы*. Тот же процесс отмечается исследователем и в формах среднего рода: *злодействы, бедствы, созданы, селы, солнцы, вины*. В родительном падеже множественного числа среднего и мужского рода некоторые слова были известны без окончания: *(от) зуб (его уж не было спасенья), (в) сорок пуд, (по замечанию) старожил*. Характерно для первой половины XIX века еще нередкое совпадение винительного и родительного падежа у одушевленных существительных. Интересна вариативность в склонении иностранных слов и имен собственных: такие несклоняемые сейчас слова, как *кофь, мадам, фортепиано* в начале XIX века склонялись. Многие иностранные заимствования подвергались колебанию в грамматическом роде, типе склонения: *виолончель, вуаль, госпиталь, дуэль, кадрили, бакенбард или бакенбарда и проч.*

В разделе, посвященном наречиям, именам прилагательным Булаховский отмечает широкое употребление префикса превосходной степени *пре-*; для множества слов, относящихся к культурной, научной среде, чаще всего заимствований, был характерен суффикс *-ическ-*, который позднее был замещен

другими: *дельфический, литографический, олимпийский, нервический, философический.*

Говоря о формах глагола, Булаховский упоминает в редких случаях еще встречающиеся формы давнопрошедшего времени, неправильной кратности, которые чаще всего употребляются авторами в первой половине XIX века ошибочно: «*Из комнаты шага не дельвал с тех пор...*» (Булаховский, 1957: 116); формы совершенного вида на *-ыва, -ива* образовывались свободнее: (*поспешность*) *опереживает, (бедность) разрушивает, (я не) отравливаю (себя)*. Нередки случаи, как пишет автор, несколько вольных залоговых образований, типичных для того времени: *виднеть* в значении *виднеться, загореть* в значении *загореться, помолвить* в значении *помолвиться* и др.

Все примеры, которые приводит автор, относятся к художественной литературе. Поскольку стиль научной речи сильно отличается от художественного, можно предположить, что в тексте научного стиля картина будет другой. Нет, например, той доли стилизации речи, что прослеживается в примерах с неправильным употреблением глагольных форм прошедшего времени.

Стоит обратить внимание на одну особенность функционирования нормы, грамматических правил исследуемого периода, которая может стать очень важной при прочтении текстов. Булаховский отмечает, что «уважение к грамматическим правилам, характерное для большинства авторов, очень часто сопровождалось совершенно недостаточным знакомством с самими правилами» (Булаховский, 1957: 44). Авторы-аристократы чувствовали сильные пробелы в знании литературных норм, в частности потому, что все они были носителями нескольких языков. Но именно поэтому авторы относились с уважением «к указаниям тех, кого имели основание признавать более себя сведущими».

Становление литературной речи в 19 веке стало сложным процессом, неоднородным. В.В. Колесов в своей книге приводит цитату Ин. Анненского: «Литературная русская речь как бы висит в воздухе между журнальным

воляпюком и говореньем, т.е. зыбкой беспредельностью великорусских наречий и поднаречий...». То есть, литературный язык не структурирован, грамматика освоена далеко не всеми, поэтому возникают брошюры по типу «Отчего? Зачем? и почему? Оскуднение и искажение русской речи». СПб, 1889. Похожим примером может послужить небольшой словарь А.Н. Греча «Справочное место русского слова. СПб, 1839», в котором собраны типичные ошибки. А в это же время осваивается западная научная терминология – и здесь исследователями отмечаются сложности: сделать научные термины достоянием языка, наполнить их образностью не так просто. В.В. Колесов приводит примеры: немецкое *Wahrnehmung* передавалось на русский язык то словом ощущение, то словом восприятие; *gesetzmäßig* сначала переводилось как *законосообразный*, затем – *законообразный*, а с конца XIX века как *закономерный* (уже привычное нам). (Колесов, 2006: 92). Конечно, дворянину, который изучает философию или политику, совершенно и не нужно было наличие термина на русском языке: ему достаточно знание этого термина на французском или немецком. Поэтому, как пишет В.В. Колесов, на развитие русской терминологии большое влияние оказала публицистика (Колесов, 2005: 96). В момент, когда нужно было подготовить общественное сознание к новым действиям, происходит много переводов и формирование русской терминологии, потому что общественная жизнь России нуждается в собственной терминологии.

Вернемся к понятию калькирования. С точки зрения понятия нормы в языке еще в XVIII веке отношение к калькам было различным. Калек в русском языке меньше, чем заимствований, но в истории русского языка можно отметить периоды, когда кальки даже насаждались и приветствовались. С этим связана известная лингвистическая концепция А.С. Шишкова. Если мы обращаемся к XVIII веку, стоит сказать несколько слов о еще одном писателе, а именно о Н.М. Карамзине. Карамзин и Шишков оба были историографами и оба оставили свой неизгладимый след в истории развития русского литературного языка. Однако

писатели понимали своеобразие языка по-разному. Интерес Карамзина был сосредоточен на грамматике, а интерес Шишкова – на словаре. К эпохе Карамзина, то есть уже в XVIII веке, стабилизируются синтаксические нормы русского языка. Языковая реформа Карамзина прежде всего связана с синтаксисом, со словорасположением: он считал, что порядок слов должен соответствовать ходу мысли, то есть, в этом положении Карамзин затрагивает понятие актуального членения предложения. Второе положение писателя: порядок слов должен соответствовать ритмической организации речи и «правилам хорошего вкуса». По Карамзину подлежащее должно предшествовать сказуемому: при этом соблюдается ритмическое равновесие. На самом деле, получается, что здесь Карамзин предлагает русскому языку ориентацию на французский язык, а не на устную речь, как он говорил. Карамзин также несколько сдвигает три стиля, разработанные ранее Ломоносовым: более упорядоченным становится средний стиль.

Шишков был противником заимствований и калек: для него это важно, потому что слово должно состоять из значимых частей. Церковнославянский и русский языки для писателя – один язык, самое важное в слове – его внутренняя форма. Источниками пополнения языка Шишков видел заимствования идей, но не самих слов. При заимствовании какой-либо идеи Шишков предлагал выражение мысли на родном языке, однако кальки, по его словам, это – «юродивый перевод». По мнению же Колесова, калька – это как раз способ заимствования, при котором сохраняется внутренняя форма слова, он пишет, что в XIX веке постепенно менялось отношение к терминам, их переставали калькировать, а стали просто заимствовать, «не затрудняя себя доведением понятия до сознания современников» (Колесов, 2005: 133). До того исследователь отмечает: «Научный термин следует переосмыслить с помощью родного языка и тем самым ввести его в языковое сознание как слово собственного языка». Тогда это будет не просто

термин, но и слово русского языка. Что и повысит ценность самого термина – он ведь войдет в систему языка». (Колесов, 2005: 131).

Отметим также важное замечание Г. Пауля о том, что анализ любых заимствований должен начинаться с исследования текстов двуязычно говорящих людей, потому что заимствования укрепляются в языке во время двустороннего контакта языков (Пауль, 1960: 460). Как пишет Л.П. Крысин, из этого положения в западноевропейской лингвистике зарождается внимание, а впоследствии и более детальное изучение проблем двуязычия (Крысин, 1968: 12).

3. Анализ словообразовательных калек в тексте Р.А. Штекгардта «Юридическая пропедевтика»

В данном исследовании, на основе нескольких рассмотренных и проанализированных классификаций калькирования, принимается максимально широкое определение кальки, то есть учитываются все возможные ее разновидности, а именно: лексические кальки (словообразовательные и семантические), грамматические и синтаксические. Однако для периода XIX века говорить о грамматических и синтаксических кальках с немецкого языка достаточно сложно, тем более, когда перед нами текст письменный, обработанный, написанный переводчиком и носителем, прежде всего, русского языка, а не немецкого. Поэтому в данном исследовании было принято решение обратить внимание на функционирование словообразовательных калек. За определение кальки принимаем традиционное, отталкиваясь от классификации Араповой. Подход Араповой можно назвать широким, однако исследователь не рассматривает такие словосочетания как, например, *прибавочная стоимость, северное сияние, воздушный замок*. Такие сочетания передают сложное иноязычное слово на русский язык при помощи сочетания прил.+сущ. К. Флекенштейн считает такие образования неточными кальками, потому что иноязычная модель передана не полностью, однако влияние иноязычного образца на появление термина очевидно (Флекенштейн, 1963: 291): интересно возникновение термина *средоточие*. Изначально немецкое *Mittelpunkt* передавалось на русский язык сочетанием *средняя точка*, впоследствии оно было вытеснено словом *средоточие*. Сочетание прил.+сущ., как пишет учёный, более свойственно русскому языку (как и любому славянскому), однако сложение также является достаточно продуктивным способом словообразования, в связи с чем в русском языке мы можем наблюдать большое количество словообразовательных калек с немецкого языка. В случае таких неточных калек гораздо легче

определить, что слово калькируется, по мнению исследователя. Сложнее это сделать в случаях, когда перед нами обычная словообразовательная калька или даже грамматическая, потому что невозможно с точностью ответить на вопрос, под влиянием какого языка слово произошло, или же вообще образование слова произошло в соответствии с внутренними закономерностями языка. Множество примеров таких слов, которые легко можно подозревать на калькирование, но которые все же являются исконно русскими, приведены в словаре Араповой, например: *безвременник, верноподданный, водоупоры, естественнонаучный, капельница, незабудка и др.*

Случаи калькирования в тексте перевода можно разделить на две основных группы в зависимости от структуры калькируемой единицы в тексте-источнике:

- 1) многоморфемные слова с одним корнем
- 2) многоморфемные слова с двумя и более корнями

Внутри каждой группы предлагается более узкое разделение калек, на точные/неточные кальки. Неточные кальки – это такие, при которых одна из морфем в калькируемом слове не имеет соответствия в образуемом слове, например: *Minenwerfer* – *миномет*: суффикс -er в данном случае не переводится. К таким же случаям относятся такие примеры, как: *beweislos* – *бездоказательный*, суффикс -los передается на русский язык при помощи приставки без-, так как на отсутствие признака в русском языке указывает именно эта морфема, в отличие от немецкого. Таким образом, расширяется традиционная классификация калек. Именно кальки второго вида (кальки многоморфемных слов с двумя и более корнями) переводятся на русский язык несколькими способами: сложным словом или словосочетанием прил.+сущ., о котором пишет К. Флекенштейн. Это довольно интересное явление, за которым можно понаблюдать на примере анализируемого текста и приблизиться к ответу на вопрос: насколько русский и немецкий языки схожи с точки зрения словообразования, так же свойственно русскому языку сложение или все же при переводе на русский язык

предпочтительнее разделение сложного слова на словосочетание; насколько продуктивным было явление калькирования вообще, много ли встречается в тексте еще не освоенных немецких калек, или же это уже процесс, идущий в XIX веке на спад. Также интересно разобраться в вопросе, в каких именно случаях слово калькируется, а в каких автор прибегает к другому способу перевода, от чего зависит выбор переводчика, если он есть: сложное слово во многих случаях переводится, например, словосочетанием *сущ+сущ.* в Р.П. Именно поэтому предлагается также несколько подгрупп по способам перевода сложных слов.

Случаи, когда переводчик не прибегает к калькированию, а переводит слово словосочетанием, мы будем называть отказом от калькирования.

При описании материала контекст приводим лишь в случаях, когда это необходимо для понимания значения слова. Латинские соответствия приводим по словарю Поляшева М.П., французские – по словарю Акимова А.В.

Весь материал представляется целесообразным разделить на две уже указанные выше группы со следующими подгруппами:

1 группа: Многоморфемные слова с одним корнем:

1) кальки, на этапе XIX века освоенные в литературном языке и отмеченные в словаре Н.С. Араповой:

- Введение – *die Einleitung*.

Исследователь Н.С. Арапова считает, что это калька с французского (Арапова, 2000: 63), если же мы обратимся к латинскому словарю, увидим следующие соответствия: *введение: introductio, onis, f; водить: ducere, o, xi, ctum*

Итак, структура слова в латинском языке такая же. Можно предположить, что калька на русский язык произошла с латинского языка через французское посредничество.

- *односторонний – einseitig*

Точная калька с немецкого языка: *ein-*: один, *Seite-*: сторона (Арапова, 2000: 162)

- противопоставлять – gegenüberstellen

Слово отмечено у Араповой, но с русским эквивалентом *противопоставлять*. (Арапова, 2000: 198) Однако слово синонимично, структура схожа, корневая морфема отличается: -stellen: ставить.

- безусловный – unbedingt

Un: Без-; -bedingung: условие. По Араповой: возможная калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 52).

- (...не состоит в совершенной) неограниченности - ...keinesweges in völliger Unbeschränkbarkeit...begründet

Арапова отмечает, что это – калька с латыни, точно такая же морфемная структура отмечается во французском и немецком языках (Арапова, 2000: 154):

Un-: не-; beschränk-: корень со значением ограничивать; bar-keit: суффиксы

- противодействовать – entgegenhandeln

Морфемная структура полностью совпадает: entgegen-: против-, handeln: действовать. Слово отмечается у Араповой (Арапова, 2000: 198).

2) Слова, морфемная структура которых совпадает со структурой немецких, латинских и французских слов, что говорит нам об их более глубоком родстве и калькировании на гораздо более ранних этапах, чем период XIX века:

- содержание – der Inhalt

Морфемная структура совпадает, корень в немецком языке – halt- с эквивалентным русскому значению держ-

Латинские соответствия: содержание: contentus [us, m]; держать: tenēre, eo, ui, ntum (aliquid manu, in manu)

Во всех европейских языках слово происходит из латыни, англ.: content, франц.: contenu, соответственно, глагол держать: tenir

- состоять – bestehen

Латинские соответствия: состоять: consistere [o, stiti,-]; стоять: stare [o, steti, statum]

Франц.: состоять: *consiter*

Во французском языке очевидно происхождение слова из латыни, в латыни видим общеиндоевропейский корень *-sta-* с этим же значением, во французском, немецком и русском в диахроническом рассмотрении он просматривается. Кардинально отличается немецкая приставка *be-* со значением охвата предмета действием, достижения результата и проч. На русский язык приставка *be-* чаще переводится приставкой *о-* *об-* (Толкачев, 2002: 30). Итак, этот случай мы не можем рассматривать как случай калькирования с немецкого языка.

- обстоятельство – *der Umstand*

Структура немецкого слова: *um-*: *об-*, *stand* пр.ф. гл. *stehen*: *-стоять*. Возможно, неточная калька с немецкого языка, добавляется суффикс *-ельств-*.

Обратимся к иноязычным словарям:

Франц.: обстоятельство: *circonstance*. В латыни существует несколько обозначений, среди них *circumstantia* [ae, f]. Снова здесь обратим внимание на общеиндоевропейский корень *-sta-*, отличие имеет только префикс: в русском и немецком языках. Итак, перед нами не калькирование немецкого слова. То же можем сказать о следующем примере:

- единство – *Einheit*

Лат.: единство: *unitas, atis, f (atque consensus)*; единица *unio, onis, f*. Франц.: единство: *unite, f*; единица: *un, m*.

- понятие – *Begriff*

Лат.: понятие: *notio [onis, f]*. Франц.: понятие: *notion, f* Также в данном случае нам интересен глагол *взять*, так как это слово было отобрано из-за соответствия, прежде всего, корневой морфемы, в русском языке на синхроническом уровне сложно выделяемой. В немецком языке это глагол *greifen*. Лат.: *взять*: *capere, io, seri, captum*. Франц.: *prendre*. Соответствия с французским языком не прослеживаются, если говорить о калькировании с немецкого языка, то оно могло произойти на гораздо более раннем этапе, чем период XIX века, мы,

однако, остановимся на предположении о том, что своим происхождением слово обязано всё же латинскому, а не немецкому языку.

- непосредственное (отношение) – Unmittelbare (Beziehung).

Un-: не-, mittel-: Средство. Морфемная структура совпадает, но слово не зафиксировано в словаре Араповой. Обратимся к латыни: непосредственный: immediatus [a, um]; Франц.: непосредственный: immediate. Во французском и латинском словах, приведенных к данному случаю, очевиден корень -med- со значением середины. Приставка im- обозначает отрицание. Таким образом, мы можем предположить, что перед нами не калькирование формы с немецкого языка.

- откровение – die Offenbarung

Морфемная структура немецкого слова: Offen: открытый; bar-ung – суффиксы. Соответствие со французском языке: откровение: révélation, f; открыть: révéler. Слово откровение в латинском словаре найти не удалось, но глагол открывать, обнажать выглядит схоже: revelo, avi, atum, are. Итак, соответствия в латинском и французском языке тоже обнаружены, а значит, однозначно назвать слово *откровение* калькой с немецкого языка нельзя.

- обязательство – Verbindlichkeit

Лат.: обязательство: obligatio [onis, f]; ligatio, onis f [ligo I]: перевязывание

Франц.: обязательство: obligation, f

Verbinden в переводе с немецкого досл.: соединять. Итак, перед нами калькирование не с немецкого языка, а, скорее, с латыни.

- совесть человека – das Gewissen des Menschen

Лат.: совесть: conscientia [ae, f];

scientia, ae f [scio]: знание, сведение

Франц.: совесть: conscience f

Морфемная и семантическая структура во всех языках совпадает.

- распространение – die Verbreitung

Структура немецкого слова: приставка *ver-*; корень *-breit-*: пространный, широкий; суффикс *-ung*.

Лат.: распространение: *propagatio* [onis, f]; пространный: *spatiosus* [a, um]; пространство: *spatium* [ii, n];

Франц.: *propagation*, f

В данном примере несколько сложнее проследить семантику пространства в латинском и французском соответствиях слова *распространение*. Но, если мы сопоставим лат. *propagatio* с однокоренными словами, то она сразу же обнаружится, например: *propagatio*, onis, f:

-рассаживание, разведение;

-распространение, расширение.

Итак, *распространение* также не предполагается считать калькой с немецкого языка, поскольку подобная структура эквивалентного слова присутствует уже в латинском языке. То же самое в следующих примерах:

- собственность – *Eigentum*

Структура немецкого слова: *Eigen-*: собственный; *-tum*: суффикс

Лат.: собственность: *proprietas* [atis, f]; собственный: *proprius* [a, um];

Франц.: собственность: *propriété* f, собственный: *propre*

- отсутствие – *die Abwesenheit*

Структура немецкого слова: *Ab-*: приставка; *-wesen*: суть, сущность; *-heit*: суффикс

Лат.: отсутствие: *absentia* [ae, f]; суть *essentia* [ae, f];

Франц.: отсутствие: *absence* f; суть: *essence* f,

- замешательство – *die Verwirrung*

Структура немецкого слова: *ver-*: приставка; *wirr-*: корень со значением беспорядок; *-ung*: суффикс. Не калька с немецкого языка.

Лат.: замешательство: *turbatio*, onis, f; *conturbatio*, onis, f

Франц.: замешательство: *confusion* f. В латинском тоже находим синоним с таким же корнем *confusio, onis, f*, в корне: *fusio, onis, f* : истечение. Семантика иная, чем у корня в русском и немецком словах.

3) Морфемная структура русского и немецкого слова совпадает, но это совпадение связано со схожей словообразовательной системой русского и немецкого языков и не является калькированием:

- (Предписания Права не только) *высказывают* (известные мысли и желания...) – (...weil sie nicht bloß Gedanken und Wünsche) *aussprechen*

Лат.: высказать: *edicere, o, xi, ctum*; сказать: *dicere [o, xi, ctum]*. В латинском слове видим морфемное совпадение, во французском – нет: высказать и сказать передаются одним глаголом: *dire*. Вряд ли можно назвать глагол высказать калькой с немецкого языка по аналогии с многократно уже описанным в научной литературе глаголом *выглядеть*. Совпадение структуры глагола *высказать* с немецким *aussprechen* связано со словообразовательной системой русского языка, в данном случае, с эквивалентностью значения завершения действия у приставок: *вы-* и *aus-*. То же самое можно сказать о следующих примерах:

- вступление – *der Eintritt*

В словаре Араповой не зафиксировано, обратимся к латинскому эквиваленту: *introductio*, Эквивалентно французскому *introduction*. Латинский глагол *duco, duxi, ductum, ere*: водить. Значит, дословный эквивалент в русском языке для этих слов введение, которое имеет соответствующий эквивалент в немецком языке *die Einleitung*. В слове же *Eintritt* мы видим полное морфемное соответствие русскому вступление, т.к. глагол *treten* переводится как *ступать*. Вступление и введение в русско-латинском и русско-французском переводятся одинаково с корнем *-duc-* в своей основе, значит, мы можем предположить, что слово вступление либо калька с немецкого языка, либо результат развития слова на русской почве по законам русской морфемике. Если остановиться на

последнем предположении, в русском и немецком словообразовании мы можем наблюдать очень схожие процессы.

- проистекать – hervorfließen

«...из них, как из своих первоначальных источников, проистекает сама наука Правоведения – «...als aus ihren Urquellen, gleichsam hervorfließt».

Морфемная структура немецкого слова полностью совпадает с русской: hervor – про-ис, fließen – течь. В словаре Араповой слово не зафиксировано. В русско-латинском словаре слово проистекать: fluere [o, xi, ctum]. В толковых словарях современного русского языка (далее – СРЯ) слово есть, значение (употребленное в данном контексте): «перен. Возникнуть, произойти вследствие чего-л.» Обратим внимание, что латинское слово не имеет в своей структуре двух приставок, которые мы видим в немецком и русском языках. Опять же, можно говорить о возможной кальке с немецкого языка или же лишь о схожей словообразовательной системе двух языков. Такие случаи требуют гораздо более глубокого этимологического и сопоставительного анализа двух языков.

4) Некоторые примеры, стоящие особняком в контексте исследуемого материала:

- предучение, предварительное учение – die Vorschule

В этом случае автор (а вслед за ним и переводчик) пытаются ввести новый термин. Интересно, что калькируется слово двумя способами – и как сложное слово, и как словосочетание прил.+сущ.. В немецком языке в данном контексте только сложное слово. Этот пример наталкивает на мысль, что для русского языка оба способа продуктивны, что менее свойственно немецкому языку, а немецкий предпочитает один из них, т.е. словообразование.

Также данный пример является калькой автора, не укоренившейся в языке: в словарях не отмечается (ССРЛЯ под ред. Евгеньевой; словарь Ожегова, словарь Ушакова), в Национальном корпусе русского языка 0 вхождений. Приведем для иллюстрации материала цитату:

«...Слово Пропедевтика, происходя от Греческого ... (обучать) и предлога ... (пред, прежде), означает, слово в слово, предучение, предварительное учение...».

- Отдельно стоит отметить кальку *звание* – нем. *Beruf*. В.В. Виноградов пишет, что с немецкого слова *Beruf* калька в русском языке *призвание*. Но в переводе конкретно этого текста наблюдается повсеместное калькирование другим словом: *звание*. Можно предположить семантическое развитие слова *призвание*, однако в другом контексте в оригинальном произведении автор для передачи значения *призвание*, способности, талант использует другое слово: *Gaben*. И слово *Beruf* в немецком языке имеет исключительно значение профессии, или же звания в своем первоначальном значении.

- действие, совершенное без воли – *willenlose Handlung*

Данный пример стоит особняком в контексте всего материала. Многоморфемное прилагательное переводится приё помощи предлог+сущ. вместо многоморфемного слова (*willen-*: воля; *-los*: суффикс со значением без). Опишем этот случай как отказ от калькирования. Интересно отметить, что в русском языке также существует слово *безвольный*, которое могло бы быть калькой с немецкого *willenlos*, но в таком случае в этом контексте это прилагательное смещало бы субъект действия с персонажа, совершающего действие, на само действие, а это разрушило бы смысл высказывания.

- противоборствование – *Widerstreite*

В тексте употреблено именно слово *противоборствование*, хотя нормативным сейчас является *противоборство*. Однако в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в текстах XIX века находим 5 вхождений с таким словоупотреблением, это можно объяснить динамикой нормы. Структура немецкого слова почти полностью совпадает с русской: *Wieder-*: снова; *-streite*: ссора, борьба. В словаре Араповой слово не отмечается, но отмечаются другие слова с приставкой *противо-* (*противопоставить*, *противодействовать* и др.), однако их приставка в таком случае в немецком языке эквивалентна *entgegen-*.

Перед нами, скорее, контекстуальный перевод, синонимичное слово, похожее на кальку, но это не случай калькирования.

- взаимно проникаться – durchdringen

Структура немецкого слова: durch-: через; -dringen: проникать. Одна морфема передана иначе, значит, перед нами случай неточного калькирования. Интересно, что в русском языке существуют слова со схожей морфемной структурой (которые относятся к калькам с немецкого языка), например, *взаимодействие*. Также в русском языке есть слово *взаимопонимание*, но *взаимопроникновение* или *взаимопроникать* звучат ошибочно, открытым остается вопрос, почему слово *взаимопонимание* в русском языке возможно, а *взаимопроникновение* – нет. Такой пример может натолкнуть на мысль, что такой способ сложения для русского языка не столь типичен, как для немецкого.

2 группа: многоморфемные слова с двумя и более корнями:

1) Случаи, когда слову с двумя (или более) корнями в тексте-исходнике соответствует слово полностью аналогичное по своей морфемной структуре слово в русском переводе:

- самостоятельность – die Selbstständigkeit

Структура немецкого слова: Selbst: само-; -ständig: от гл. stehen: стоять; -igkeit-: суффиксы. В словаре Араповой слово не зафиксировано. Обратимся к французскому и латинскому словарю, чтобы обнаружить сходство или отличие морфемной структуры.

Лат.: самостоятельность: autonomia [ae, f]; independentia [ae, f].

Франц.: indépendance, f

Dependo с лат.: вызываться, причиняться, зависеть, значит, дословно слова с похожей морфемной структурой мы бы перевели как *независимость*. В латыни и во французском языке не встречаем слово с корнем -стой-, эквивалентному немецкому -steh-, -stand-. Можно предположить калькирование немецкого слова.

- многосторонности – die Vielseitigkeit

Многomorphicное слово с двумя корнями die Vielseitigkeit (Viel: много, Seite: сторона + 2 суффикса: -ig-keit) переводится на русский язык таким же сложным словом с двумя корнями и эквивалентным суффиксом. Структура слов абсолютно совпадает, калька точная, отмечается в словаре Араповой как калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 145).

- противопоставить – entgegenstellen

Точная калька с немецкого языка, отмечена у Араповой (Арапова, 2000: 198): entgegen: против, stellen: ставить.

- правовед – Rechtsgelehrte

«...возбудить в сердцах юных правоведов уважение и любовь к науке... - ...In den Gemüthern der jungen Rechtsgelehrten Achtung, Ehrfurcht...erregt werde».

Морфемная структура немецкого слова совпадает не полностью: Recht: право, -gelehrte: причастие, досл.: обученный, знающий. Предположим, что перед нами неточная калька с немецкого языка, в словаре Араповой не отмечена, но отмечено слово правоведение – Rechtskunde.

- Интересный пример: • неудобопонятность – Unverständlichkeit

В этом примере немецкое слово с одним корнем переводится на русский язык словом с двумя корнями. Структура немецкого слова: эквивалентная русской приставка un- не, Verständlichkeit – понятность. Между двумя синонимами непонятность/неудобопонятность переводчик выбирает более сложное по структуре.

- самосознание – Selbstbewusstsein

Калька с немецкого языка, отмечена у Араповой (Арапова, 2000: 215). Немецкое слово, состоящее из двух корней переводится эквивалентным на русский: Selbst: само; Bewusstsein: сознание. Исследователь пишет, что ранее слово калькировалось как *самоведение*.

- взаимодействие – Wechselwirkung

Неточная калька с немецкого языка, отмечена у Араповой (Арапова, 2000: 65). В немецком слове перед нами два корня, которые можно перевести следующим образом: Wechsel: обмен, Wirkung: влияние.

- всестороннего (развития) – allseitig

Выше уже приводился пример слова со сложной морфемной структурой: die Vielseitigkeit. Прилагательное allseitig отмечается Араповой также как калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 77).

- Законодательство – die Gesetzgebung

Немецкое слово с двумя корнями переводится на русский язык по структуре таким же: Gesetz-: закон, geben: дать/давать. В словаре Араповой слово не отмечено, но отмечены по структуре очень схожие: законопроект (Gesetzvorlage), законоведение (Gesetzkunde), закономерный (gesetzmässig) (Арапова, 2000: 101-102). Поэтому предположим это тоже калькой с немецкого языка.

- правоведение – das Rechtskunde

Немецкое слово с двумя корнями переводится на русский язык по структуре таким же (Recht-: право, -kunde: знание, ведение), слово отмечено в словаре Араповой как точная словообразовательная калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 188)

- законодатель – Gesetzgeber

Цитата: «И так Право всегда предполагает законодателя и понудительную власть» - «Das Recht setzt daher immer einen Gesetzgeber und eine Zwangsmacht im Staate...»

Gesetz: закон; geber от гл. geben: давать. Слово отмечено в словаре Н.С. Араповой как калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 101).

- основоположение – der Grundsatz

Структура немецкого слова: Grund: основа Satz: тезис, положение: калька с немецкого языка (Арапова, 2000: 166).

Особого внимания достойны следующие примеры возможного калькирования:

- чувственноразумных (существ) - sinnlich vernünftiger (Wesen)

Дословный перевод немецкого контекста: *существа, чувственно разумные (или здравомыслящие)*. В немецком контексте два слова, в русском – сложное слово с двумя корнями, таких примеров в исследуемом отрезке текста очень мало, на первый взгляд – перед нами калька, но при сопоставлении перевода с оригиналом мы видим, что это – словотворчество автора. Слово чувственноразумный не встречается в НКРЯ, также его нет в толковых словарях.

- ...в действии на его духовную, вышечувственную природу – *Einwirkung auf die geistige, übersinnliche Natur*

Интересный случай, немецкое многоформное слово с одним корнем переводится словом с двумя корнями, дословно немецкое можно было бы перевести как «надсмысловую (природу)», так как über-: над, Sinn: смысл. Калька авторская, неточная.

- противоречие – der Widerspruch

Wieder: против, Spruch: речение, изречение. В словаре Араповой не зафиксировано, обратимся к латинскому этимологическому словарю:

Лат.: противоречие: *contradictio* [onis, f]; *controversia* [ae, f]; против: *contra* ; изречение: *dictum*, i, n; *verbum*, i, n;

Франц.: противоречие: *contradiction* f

Итак, слово противоречие обнаруживает аналогичную морфемную структуру в латыни, а значит, перед нами не калька с немецкого языка.

- благоприобретенные (права) – *wohlerworbenen* (Rechten)

Wohl: благо, добро; *erwerben*: приобрести

Сложное слово переводится сложным, однако слово *благоприобретенный* не встречается ни в толковом словаре, ни в контекстах НКРЯ. Этот случай предположительно можно отнести к авторскому калькированию немецкой формы.

- ...истинную чувственную жизнь – *wahres, selbstempfundenes Leben*.

В немецком языке перед нами сложное слово, состоящее из двух корней: *selbst-*: само-, сам-; *empfinden*: чувствовать. Возможно, для русского языка перегруженность сложного определения, поэтому слово с двумя корнями переводится словом с одним.

- (...происходит без сознания его) *причин* – *erfolgt sich ohne Bewusstsein ihrer Beweggründe*. Такой же случай, как и предыдущий: переводчик избегает сложное слово. Структура немецкого слова: *Beweg-* от гл. *bewegen*: двигать; *grund-* причина

- обязанные крестьяне – *vertragspflichtigen Bauern*

Vertragspflichtigen – слово из двух корней, досл.: обязанные по договору или договоробязанные, переводчик упрощает семантическую наполненность определения, в русском контексте видим: обязанные крестьяне.

- (...устанавливающий мир и согласие между) взаимодействующими людьми – *unter den äußerlich handelnden (Menschen Friede und Harmonie begründet wird)*

В русском контексте сложное слово с двумя корнями, в немецком – два слова. Но в контексте встретился еще один схожий пример: «взаимодействующие люди» – «*äusserlich handelnden Menschen*», с раздельным написанием, как в тексте-источнике. Слово взаимодействие/взаимодействие отмечается в словаре Н.С. Араповой (Арапова, 2000: 65) как калька с немецкого *Zusammenwirkung*, исследователь отмечает, что калькировалось слово сначала по-разному, то с раздельным, то со слитным написанием. Интересно, что в исследуемом тексте мы встречаем оба случая, однако переводится другое словосочетание: *äußerlich handelnden*.

2) Многоморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при помощи сочетания прил.+сущ:

- правовой порядок – *die Rechtsordnung*

В СРЯ используется калька *правопорядок*. Сложное слово переводится сочетанием прил.+сущ.: Recht: право; Ordnung: порядок. Фиксируется в словаре Н.С. Араповой (Арапова, 2000: 189), исследователь приводит цитату, датированную 1899 годом («Вопросы государственоведения» В.В. Ивановского) и отмечает, что ранее слово с немецкого языка переводилось как правовой порядок. На похожие примеры калькирования обращал внимание ученый К. Флекенштейн. Этот пример наиболее интересный в описываемом материале, так как иллюстрирует разнообразие возможностей русского языка при передаче немецкого слова, а также динамику нормы: в контексте исследуемого отрывка нам встречается словосочетание правовой порядок, однако известно, что позже в употребление вошла точная калька с немецкого языка *правопорядок*.

- (по) *особенному свойству* (своих истин) – *Eigentümlichkeit ihrer Wahrheiten*.

Немецкое слово *die Eigentümlichkeit* многоморфемное с одним корнем, в данном случае слово переводится на русский язык словосочетанием прил.+сущ. *особенное свойство*, то есть, перед нами отказ от калькирования, но интересно отметить, что сейчас в русском языке используется неточная калька данного слова – *своеобразие*.

- Составные (ее) части – Bestandteile (derselben)

Приведем поморфемный перевод немецкого слова. Оно состоит из двух корней:

Bestand (составной) – teil (часть); на русский язык переводится словосочетанием прил.+сущ. *составная часть*. Отказ от калькирования.

- ложные пути – *die Irrwegen*

Немецкое слово с двумя корнями передается в русском тексте с помощью словосочетания прил.+сущ. Структура немецкого слова представляет собой следующее: Irr – усеченное слово *das Irrtum* – ошибка; Weg – путь, дорога. Этот случай можно описать как отказ от калькирования.

- одинокой, себялюбивой жизни - *Einzelleben*

Цитата: «Человек не рожден для *одинокой, себялюбивой жизни...* – *der Mensch ist nicht zum selbstsüchtigen Einzelleben geboren...*»

В немецком контексте встречаем сложное слово с двумя корнями: *einzel*: одинокий, *Leben*: жизнь. Этот случай можно описать как отказ от калькирования, сложное слово переводится на русский язык при помощи словосочетания прил.+сущ.

- понудительная власть – *die Zwangsmacht*

Немецкое слово состоит из двух корней *Zwang*- форма пр.вр. глагола *zwingen*: заставлять, понуждать; *Macht*: власть. Этот случай можно описать как отказ от калькирования, на русский язык переводится не эквивалентным сложным словом, а словосочетанием прил.+сущ.

- нравственная полиция – *Sittenpolizei*

Немецкое слово состоит из двух корней: *Sitten*: нравственный, *Polizei*: полиция. Этот случай можно описать как отказ от калькирования, на русский язык переводится не эквивалентным сложным словом, а словосочетанием прил.+сущ.

- морская сила – *das Marinewesen*

Немецкое слово состоит из двух корней, досл.: *Marine*: морской; *Wesen*: существо, сущность. Этот случай можно описать как отказ от калькирования, на русский язык переводится не эквивалентным сложным словом, а словосочетанием прил.+сущ.

- *согласное действование* граждан – *Zusammenwirken der Menschen*

Zusammen: совместный, согласный; *Wirken* влияние, действие.

Слово *взаимодействие/взаимнодействие* отмечается в словаре Н.С. Араповой (Арапова, 2000: 65) как калька с немецкого *Zusammenwirkung*, видимо, на этапе XIX века слово еще не было полностью освоено и переводилось разными способами, в данном случае – словосочетанием прил.+сущ.

Остальные примеры опишем только структурно, полный список схожих конструкций размещен в приложении:

- законный долг – *Rechtspflicht*

Морфемная структура немецкого слова: *Recht*: право, закон; *Pflicht*: обязательство, долг.

- Законы понудительные – *Zwangsgesetze*

Zwang- от гл. *zwingen*: понуждать, доставлять; *gesetz*: закон

- «...закон может быть или *понудительным*, или *запретительным*, но никак не чисто *позволятельным*...» – «...so kann es auch nur entweder *Gebotgesetze* oder *Verbotgesetze*, keinesweges aber reine *Erlaubnissgesetze* geben...»

В представленном примере перед нами в одном контексте встречаются три слова, состоящих из двух корней, которые не калькируются на русский язык, а переводятся при помощи словосочетания прил.+сущ.. Структура немецких слов:

Erlaubnis-: разрешение; *-gesetz*: закон

Verbot-: запрет; *-gesetz*: закон

Gebot-: -принцип, требование; *gesetz*: закон

- законное определение – *Gesetzbestimmung*

Цитата: «...Неопределенность не может быть предметом какого-нибудь постановления или *законного определения*»

Gesetz: закон, *bestimmung*: определение

3) Многоморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при помощи сочетания сущ. в И.п.+сущ. в Р.п. Таких примеров встретилось меньше, они схожи с предыдущей группой тем, что при такой передаче немецкой формы автор не прибегает к калькированию, а разбивает сложное слово на два. Приведем примеры (полный список проанализированных форм находится в приложении):

- (...предварительно указать методу) *изучения Прав* – (...über die Methode) *des Rechtsstudium*

Немецкое слово с двумя корнями передается в русском тексте с помощью словосочетания сущ. в И.п. + сущ. в Р.п. Структура немецкого слова: Rechts – право-, Studium: обучение, учение. Этот случай можно описать как отказ от калькирования.

- царство животных – das Tierreich

Немецкое слово состоит из двух корней Tier-: животное, Reich: царство. В русском контексте перед нами эквивалентное словосочетание сущ.+сущ. в Р.п. Этот случай можно описать как отказ от калькирования.

- круг действия – der Wirkungskreis.

Wirkung: действие, влияние; Kreis: круг.

- законы природы – Naturgesetze

Natur: природа, Gesetz: закон

- (о начале Права, или высшем) *основоположении Права* – von dem Rechtsprinzip oder dem obersten *Rechtsgrundsatz*

В немецком языке перед нами слово из трех корней: Recht: право, Grund: основа, Satz: положение. В русском контексте сложное существительное из двух корней + сущ. в Р.п.

4) В отдельную группу объединим многоморфемные слова более чем с одним корнем, для которых автор использует особые, реже встречающиеся в его тексте способы их передачи на русский язык, например:

- способность к Праву – Rechtsfähigkeit

Recht: право; fähigkeit: способность. Переводчик использует при переводе словосочетание по следующей схеме: сущ.+сущ. в Д.п. с предлогом к. Дательный падеж с предлогом или без предлога используется также в следующих примерах:

- «*покровительствует известным семействам, пользуясь за это их деятельностью и трудами...*» – «...auf dem der *Familienversorgung* durch Benutzung ihrer gesamten Thätigkeit und Arbeit»

Familie-: семья; -versorgung: обеспечение, обслуживание, покровительство.

Гл.+сущ. в Д.п.

- взаимное отношение по обязательству – Verbindlichkeitsverhältniss

Структура немецкого слова: Verbindlichkeit-: обязательство; -verhältniss: отношение.

Сущ.+ сущ. в Д.п. с предлогом *по*.

Иногда автор прибегает к причастным оборотам в том контексте, где немецкому языку понадобилось одно сложное слово, например:

- обязательства, основанные на договоре – Vertragsverbindlichkeiten

Vertrag-: договор, -verbindlichkeit: обязательство

- обязательства, происходящие из нарушения чужих прав – Schadenersatzverbindlichkeiten

Schaden-: ущерб, нарушения; -ersatz: замещение; -verbindlichkeiten: обязательство

В тексте также встретился один инфинитивный оборот, с помощью которого передается сложное немецкое слово с двумя корнями:

«...преступник с течением долгого времени может совершенно измениться в своем образе мыслей...» – «der Verbrecher nach einem sehr langen Zeitraume eine vollkommene Sinnesänderung an sich erlebt haben kann...»

Sinn-: сознание; -änderung: изменение

Заключение

Словообразовательный метод калькирования, безусловно, представляется одним из самых интересных способов образования новых слов в языке. Его наиболее полное описание, определенно, заслуживает внимания исследователей, о чем свидетельствуют многочисленные труды ученых-филологов, содержащие различные точки зрения на природу данного метода (см. гл. 1).

Подводя итоги проведенному исследованию, еще раз остановимся на главных его положениях:

1) Для установления факта калькирования помимо филологических методов анализа необходимо также учитывать следующие экстралингвистические факторы:

-социальную и политическую стороны жизни общества рассматриваемого периода языка;

-историю культуры того или иного народа;

-принадлежность рассматриваемого конкретного понятия к тому или иному духовному направлению, течению, испытывающему влияние иноязычных культур;

2) Понятие «калькирования» отличается от понятия «заимствования», прежде всего, установкой на словотворческий процесс;

3) Сближение русского языка XIX века с западноевропейскими обусловлено возникновением в этот период неподдельного интереса к развитию науки, появлением среди интеллигенции новых философских идей. Данное положение, безусловно, повлекло за собой рост числа заимствований, преобразование литературного языка и расширение его границ;

4) В исследовании было рассмотрено введение и три главы текста Р.А. Штекгардта «Юридическая пропедевтика» и его перевода на русский язык,

выполненного Ф. Толем. Из проанализированных 121 единицы текста освоенными на период создания текста и зафиксированными ранее в научной литературе кальками являются 15 единиц. 51 из 121 русских форм, структура которых совпадает со структурой немецких слов в оригинале текста, демонстрируют такую же структуру в латинском и французском языках, что может говорить о возможном калькировании на гораздо более ранних этапах развития русского языка и, в частности, языка русской науки и юриспруденции. 61 из 121 проанализированных форм в немецком и русском тексте демонстрируют разную структуру, при передаче на русский язык автором эти многоморфемные слова не калькировались, а переводились при помощи словосочетаний или причастных оборотов. Чаще всего при таком отказе от калькирования переводчик использует словосочетание прил.+сущ., которое полностью передает смысл сложного слова: нам встретилось 29 единиц; реже используется словосочетание сущ. в И.п.+сущ. в Р.п. 20 единиц; и, наконец, наименее часто в тексте встречаются другие способы, среди которых причастные обороты или конструкции с Д.п., а также случаи упрощения структуры слова: 12. Лишь четыре примера из выбранного отрывка текста можно назвать авторской калькой или попыткой ввести кальку, используя структуру переводимого слова.

Главным выводом данной работы можно считать, что для русского литературного языка XIX процесс словообразовательного калькирования с немецкого языка не является таким распространенным и повсеместным, как это было, возможно, в XVIII веке. Два проанализированных нами текста при сопоставлении друг с другом говорят о довольно слабом влиянии структуры немецкого языка на структуру русского в XIX веке. Немецкому языку гораздо более свойственно образование слов на основе двух и более корней, в русском языке в таком случае чаще всего используется словосочетание, причастный или сравнительный оборот.

Данная тема, неомненно, имеет перспективы для дальнейшего изучения. Сделанные наблюдения могут быть проверены уже не на переводном, а на оригинальном тексте рассматриваемого периода, возникшем на русской почве. Интерес представляет сравнение рассматриваемого текста с текстами юридического характера XVIII века или же периода после XIX века; интересен также анализ текста с целью обнаружения не только словообразовательных, но и грамматических (морфологических, синтаксических) калек.

Список использованной литературы

I. Список источников

1. Stöckhardt R. Juristische Propädeutik. Leipzig, 1843.
2. Штекгардт Р.А. Юридическая пропедевтика. СПб, 1843.

II. Список научной литературы

1. А.Б. Отчего, зачем и почему? Оскудение и искажение русской речи. СПб., 1889.
2. Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
4. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952.
5. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины 19 века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев, 1948.
6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка 17-19 вв. М., 1982.
7. Греч А.Н. Справочное место русского слова. СПб, 1839 .
8. Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб, 1834.
9. Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб, 1899.
10. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004 .
11. Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939). Тампере, 2007.
12. История лексики русского литературного языка конца 17 - начала 19 века / под ред. Ф.П. Филина. М., 1981.

13. Колесов В.В. Язык города. М., 2006.
14. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
15. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. Вопросы языкознания. М., 2002. Вып. 6. С. 27-34.
16. Лексика русского литературного языка 19 - начала 20 века / под ред. Ф.П. Филина. М., 1981.
17. Максимович К.А. Лексические и синтаксические кальки в моравском «Номоканоне Мефодия» // Русский язык в научном освещении. М., 2009. Вып. 2. С. 125-144.
18. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб, 1857.
19. Осипов В.И. Мироззрение естествоиспытателей XIX века и философия. Архангельск, 2004.
20. Пауль Г. Принципы истории языка. / пер. с нем. М., 1960.
21. Руднев Д.В., Зеленин А.В. «Уродливый варваризм» (из истории глагольной связки *выглядеть* в русском языке) // Русский язык в школе. М., 2015. Вып. 7. С. 58-63.
22. Русская грамматика. В 2-х томах / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
23. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. Л., 1965.
24. Флекенштейн К. О кальках с немецкого в современном русском литературном языке // Славянская филология. М., 1963. Вып. 5. С. 289-309.
25. Фориан Е. Калькирование как способ номинации в русском языке. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 6. Тамбов, 2013. С. 5–24.

26. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61-80
27. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. - М.: Просвещение, 1972.
28. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.
29. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
30. Шевченко Т. С. Полилингвизм в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева. // Научный диалог. Екатеринбург, 2017. Вып. 8. С. 215—228.
31. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1959.
32. Schendels E. Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text. Moskau, 1982.
33. Obara J., Teoretyczne problemy kalkowania. Wrocław, 1989 .
34. Weinreich U., Languages in Contact. New York, 1953.

III. Словари

1. Большой немецко-русский словарь / под ред. О. И. Москальской. М., 2004.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2005.
3. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков. Черновцы, 2000.
4. Маковский М.М. Большой этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2014.
5. Материалы для словаря древнерусского языка / под ред. И. И. Срезневского. – СПб, 1893.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой – М., 1982.
7. Поляшев М.П. Большой русско-латинский словарь. М., 2012.
8. Русско-французский, французско-русский словарь. СПб, 2010.
9. Толкачев А.И. Толковый немецко-русский словарь: словообразование. М., 2001.
10. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. М., 2004.

12. Der Duden: Das Standardwerk zur dt. Sprache In 12 Bd. Bd. 7 : Das Herkunftswörterbuch. Mannheim, 2002.
13. Der Duden: Das Standardwerk zur dt. Sprache In 12 Bd. Bd. 10 : Das Bedeutungswörterbuch. Mannheim, 2002.
14. Wörterbuch Lateinisch-Deutsch / unter der Leitung von Gerhard Löwe. Leipzig, 1985.

Приложение

- Введение – die Einleitung.

Ein-: приставка, эквивалентная по значению русской приставке в-; leitung: ведение, leiten: вести

- односторонний – einseitig

ein-: один, Seite-:

- противопоставлять – gegenüberstellen

Gegen-über-: приставки; -stellen: ставить

- безусловный – unbedingt

Un-: Без-; -bedingung: условие.

- неограниченность – die Unbeschränkbarkeit

Un-: не-; beschränk-: корень со значением ограничивать; bar-keit: суффиксы

- противодействовать – entgegenhandeln

entgegen-: противо-, handeln: действовать.

- содержание – der Inhalt

In-: приставка; корень: halt- с эквивалентным русскому значению держ-

- состоять – bestehen

Ve-: приставка; -stehen: стоять

- обстоятельство – der Umstand

um-: об-, stand пр.ф. гл. stehen: -стоять.

- единство – Einheit

Ein-: один; -heit: суффикс

- понятие – Begriff

Ve-: приставка; griff от гл. greifen: брать, хватать

- непосредственный – Unmittelbar

Un-: не-, mittel-: Средство.

- откровение – die Offenbarung

Offen: открытый; bar-ung – суффиксы.

- обязательство – Verbindlichkeit

Verbinden в переводе с немецкого досл.: соединять. Ver-: приставка; bind-: корень; lich-keit: суффиксы.

- совесть – das Gewissen

Ge-: приставка; -wissen: знать, ведать

- распространение – die Verbreitung

приставка ver-; корень -breit-: пространный, широкий; суффикс -ung.

Итак, распространение тоже не предполагаем калькой с немецкого языка, так как структура эквивалентного слова такая же уже в латинском языке. То же самое в следующих примерах:

- собственность – Eigentum

Eigen-: собственный; -tum: суффикс

- отсутствие – die Abwesenheit

Ab-: приставка; -wesen: суть, сущность; -heit: суффикс

- замешательство – die Verwirrung

ver-: приставка; wirr-: корень со значением беспорядок; -ung: суффикс.

- высказывать – aussprechen

Aus-: приставка, эквивалентная русской приставке вы-; sprechen: говорить

- вступление – der Eintritt

Ein-: приставка, эквивалентная русской приставке в-; treten-: ступать

- проистекать – hervorfliessen

her-vor: приставки; fliessen: корень со значением течь

- предучение, предварительное учение – die Vorschule

Vor-: пред-; schule-: школа

- звание – der Beruf

- совершенный без воли – willenlos

Wille-: воля; -los: суффикс со значением без

- **противоборствование – Wiederstreite**
Wieder-: снова; -streite: ссора, борьба.
- **взаимно проникаться – durchdringen**
durch-: через; -dringen: проникать.
- **приготовительный – vorbereitend**
Vor: приставка; -bereiten: готовить
- **предписывать – vorschreiben**
Vor-: приставка; -schreiben: писать
- **признавать – anerkennen**
An-: приставка; erkennen: узнавать
- **вынуждать – erzwingen**
Er-: приставка; -zwingen: заставлять
- **предписание – die Vorschrift**
Vor-: приставка; -schrift: письмо, письменность
- **самостоятельность – die Selbstständigkeit**
Selbst-: само-; -ständ-: от гл. stehen: стоять; -ig-keit-: суффиксы.
- **многосторонности – die Vielseitigkeit**
Viel-: много, -Seite: сторона + 2 суффикса: -ig-keit
- **противопоставить – entgegenstellen**
entgegen: против, stellen: ставить.
- **правовед – Rechtsgelehrte**
Recht: право, -gelehrte: причастие, досл.: обученный, знающий.
- **неудобопонятность – Unverständlichkeit**
Un-: не-, -Verständlichkeit – понятность.
- **самосознание – Selbstbewusstsein**
Selbst-: само; -Bewusstsein: сознание.
- **взаимодействие – Wechselwirkung**
Wechsel-: обмен, -Wirkung: влияние.

- всесторонний – allseitig

All-: все; seitig: -сторонний

- Законодательство – die Gesetzgebung

Gesetz-: закон, geben: дать/давать.

- правоведение – das Rechtskunde

Recht-: право, -kunde: знание, ведение

- законодатель – der Gesetzgeber

Gesetz: закон; geber от гл. geben: давать.

- основоположение – der Grundsatz

Grund-: основа; -Satz: тезис, положение

- остроумный – scharfsinnig

Scharf-: острый; -sinn: сознание, ум; -ig: суффикс

- добровольно – freiwillig

Frei-: свободный; -willig: вольный

- чувственноразумный – sinnlich vernünftig

sinnlich vernünftig: чувственно разумный (или здравомыслящие).

- вышечувственный – übersinnlich

über-: над, Sinn: смысл.

- противоречие – der Widerspruch

Wieder: против, Spruch: речение, изречение.

- благоприобретенный – wohl erworben

Wohl-: благо, добро; erwerben: приобрести

- чувственный – selbstempfunden

selbst-: само-, сам-; empfinden: чувствовать.

- причина – das Beweggrund

Beweg- от гл. bewegen: двигать; grund- причина

- обязанный – vertragspflichtig

Vertrag-: договор; -pflichtig: обязанный

- основание – Entstehungsgrund

Entstehung: возникновение, grund: причина

- правовой порядок – die Rechtsordnung

Recht-: право; -Ordnung: порядок.

- особенное свойство – die Eigentümlichkeit

Eigen: свой, особый; tüm-lich-keit: суффиксы

- Составные части – Bestandteile

Bestand-: составной; -teil (часть);

- ложные пути – die Irrwegen

Irr – усеченное слово das Irrtum: ошибка; Weg: путь, дорога.

- одинокая, себялюбивая жизнь – das Einzelleben

Einzel-: одинокий, Leben: жизнь

- понудительная власть – die Zwangsmacht

Zwang- форма пр.вр. глагола zwingen: заставлять, понуждать; Macht: власть.

- нравственная полиция – Sittenpolizei

Sitten: нравственный, Polizei: полиция.

- морская сила – das Marinewesen

Marine-: морской; Wesen: существо, сущность.

- нижнее и среднее сословие – der Nährstand

Корень Nähr- не имеет точного эквивалента в русском языке, перевод семантики в словосочетании довольно точен; Stand: сословие.

- частная жизнь – Privatleben

Privat: частный Leben: жизнь.

- Царство минеральное – das Mineralreich

Mineral: минеральный, Reich: царство

- Царство растений – das Pflanzenreich

Pflanzen: растения, Reich: царство

- стремительная способность – das Bewegungsvermögen

Bewegung-: движение vermögen: способность.

- Внешний мир – die Aussenwelt

Aussen-: внешний, -Welt: мир-.

- согласное действовање – Zusammenwirken

Zusammen-: совместный, согласный; -Wirken влияние, действие.

- законный долг – Rechtspflicht

Recht-: право, закон; -Pflicht: обязательство, долг.

- Законы понудительные – Zwangsgesetze

Zwang- от гл. zwingen: понуждать, доставлять; -gesetz: закон

- законное определение – Gesetzbestimmung

Gesetz-: закон; -bestimmung: определение

- естественное право – die Naturrecht

Natur: природа, recht: право

- среднее состояние – Mittelzustände

Mittel: средний, zustand: состояние

- семейная жизнь – Familienleben

Familie: семья, leben: жизнь

- законные основания – Rechtsgründen

Recht: право; grund: причина, основание

- внешние предметы – Aussendinge

Aussen: внешний; ding: предмет, вещь

- законные основания – Rechtsgründen

Recht: право; grund: причина, основание

- вещные права – Sachenrechten

Sache: вещь; recht: право

- целое имущество – Gesamtvermögen

Gesamt: целое, всё; vermögen: имущество

- отдельное имущество – Separatvermögen

Separat: отдельный; vermögen: имущество

- местные отношения – Ortsverhältnisse

Ort-: место; -verhältniss: отношение

- изучение прав – das Rechtsstudium

Recht-: право- , Studium: обучение, учение.

- царство животных – das Tierreich

Tier-: животное, Reich: царство.

- круг действия – der Wirkungskreis.

Wirkung: действие, влияние; Kreis: круг.

- законы природы – Naturgesetze

Natur: природа, Gesetz: закон

- основоположение Права – der Rechtsgrundsatz

Recht-: право, -Grund: основа, -Satz: положение.

- Глава Государства – Staatsoberhaupt

Staat-: государство; -oberhaupt: глава.

- гражданин государства – Staatsbürger

Staat-: государство; -bürger: гражданин

- долг совести – Gewissenspflichten

Gewissen-: совесть; -pflicht: долг, обязательство

- законы природы – Naturgesetze

Natur-: природа, -gesetz: закон.

- законы разума – Vernunftgesetze

Vernunft-: разум; -gesetz: закон.

- субъект права – Rechtssubject

Recht-: право, -subject: субъект

- сферы имущества – Eigentumssphären

Eigentum-: имущество, собственность; -sphäre: сфера

- учение добродетели – Tugendlehre

Tugend-: добродетель, -lehre: учение

- способ приобретения – Erwerbungsart

Erwerbung-: приобретение, -art: способ

- глава семейства – Familienhäupter

Familie-: семья, -haupt: главный

- право обязательства – Forderungsrechte

Forderung: требование; rechte: право

- идея права – Rechtsidee

Recht-: право; -idee: идея

- возраст жизни – Lebensalter

Leben-: жизнь; -alter: возраст

- вознаграждение понесенных убытков – Schadenersatz

Schaden-: повреждение, убыток; -ersatz: возмещение, замещение

- определение времени – Zeitbestimmung

Zeit-: время; -bestimmung: определение

- достойный наказания – strafwürdig

Straf-: наказание; -würdig: достойный

- способность к Праву – Rechtsfähigkeit

Recht: право; fähigkeit: способность.

- покровительствовать семействам – die Familienversorgung

Familie-: семья; -versorgung: обеспечение, обслуживание, покровительство.

- взаимное отношение по обязательству – das Verbindlichkeitsverhältniss

Verbindlichkeit-: обязательство; -verhältniss: отношение.

- обязательства, основанные на договоре – Vertragsverbindlichkeiten

Vertrag-: договор, -verbindlichkeit: обязательство

- обязательства, происходящие из нарушения чужих прав – die

Schadenersatzverbindlichkeiten

Schaden-: ущерб, нарушения; -ersatz: замещение; -verbindlichkeiten: обязательство

- измениться в своем образе мыслей – die Sinnesänderung

Sinn-: сознание; -änderung: изменение

- вольноотпущенные - durch Freilassung

Frei-: свободный; lassen: пускать, отпускать

- вследствие приобретения - vermöge Erwerbungsgrundes

Erwerbung-: приобретение; -grund: причина

- нерадение к обязанностям – Pflichtverletzung

Pflicht: обязанность; verletzung: повреждение, нарушение